

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316.4
© 2015 г.

М.К. Горшков

**НАУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВОМ –
ИМПЕРАТИВ ВРЕМЕНИ**

Горшков Михаил Константинович – академик РАН, директор Института социологии РАН, г. Москва, e-mail: m_gorshkov@isras.ru

Аннотация. В статье развивается идея о том, что в современном российском обществе возрастает роль интеллектуальных, информационных и социальных компонентов управленческого механизма. Делается вывод о том, что необходим переход к практике двойной экспертизы всех программ и проектов широкого спектра интересов, затрагивающих образ жизни и базовые потребности населения. Речь идет и о технико-экономической, и о социогуманитарной экспертизе. Делается вывод о том, что особую значимость имеет функция социологической экспертизы, так как за последние годы все очевиднее заявляет о себе потребность в экспертных социологических заключениях в практике государственного управления и законотворческой работы.

Ключевые слова: социология, общество, экспертиза, управление, государство.

Вступление современного общества в XXI в. оказалось сопряжено с формированием новой социальной реальности. Причем эта новая реальность, как показывает ее развитие в последние годы, проявляет себя на редкость сложной, противоречивой, взрывоопасной, связанной не только с вызовами и рисками техногенного, антропогенного, социально-экономического характера, но и с усилением влияния геополитических факторов на состояние и темпы развития страны. Это вынуждает переосмысливать стратегию развития российского общества, выдвигая вопросы управления на качественно новый уровень их решения, причем как на федеральном, так и на региональном уровнях. В связи с этим особую актуальность и значимость приобретает пробле-

матика, вынесенная на нынешней конференции на обсуждение и связанная с определением самих смыслов, ресурсов и механизмов научного обеспечения управления общественными процессами [3].

Понятное дело, прежде чем определить требования к научному обеспечению управления обществом новой реальности, необходимо понять основные параметры самой этой реальности. И здесь, думается, речь должна идти о двух уровнях определения таких параметров: *глобальном* и *национальном*.

С точки зрения качественно новых глобальных тенденций развития современного общества выстраивание системы научного обеспечения не может не учитывать следующие процессы:

Во-первых, изменение в соотношении традиционных и современных технологических основ управления и возрастание роли интеллектуальных, информационных и социальных компонентов управленческого механизма. При этом определяющими факторами функционирования и развития сообществ становятся человеческий потенциал, социальный капитал и научные знания. Тем самым речь идет о значительном возрастании роли неэкономических факторов, влияющих как на темпы экономического роста, так и на социально-экономическое развитие в целом.

Во-вторых, зарождение экономики нового типа, новых моделей политики, новых форм социального взаимодействия. В сущности, формируются системные основы социэкономике, направленной на реализацию и собственно экономических задач, и гуманистических целей развития социума.

В-третьих, формируется сетевой интеллект. Информационные технологии содержательно детерминируют социальное сознание и поведение человека, формируются качественно новые модели социальных практик.

В совокупности глобальные изменения определяют общий формат к научным требованиям управления современным обществом. Но он так и останется общим, если глобальные черты новой социальной реальности не будут дополнены ее *национально-самобытными характеристиками*. А это означает: *при выработке эффективной модели научного обеспечения управленческими процессами мы должны работать в парадигме «общего и особенного», понимая и учитывая то, что представляет собой пореформенная Россия как новая социальная реальность*. И здесь приходится уже гораздо больше определять «во-первых, во-вторых» и целый ряд последующих по счету отличительных параметров:

Во-первых, это качественно новая система общественных отношений, сложившаяся за 25 лет российских реформ на базе радикально изменившихся отношений собственности.

Во-вторых, это качественно новая социальная структура российского общества как его «несущая конструкция».

В-третьих, это качественно новая модель экономики и выстраивание механизма управления ею, в котором еще имеются неустоявшиеся «правила игры», периодически меняющиеся под влиянием текущей конъюнктуры, соотношение элементов государственной, частной и смешанной моделей экономики.

В-четвертых, это образование обособленных групп интересов в обществе, от умелого согласования которых зависит его экономическая и политическая стабильность.

В-пятых, это значительные различия в уровне социально-экономического и социокультурного развития регионов страны, наличие в каждом из них характерного именно для данного региона объема управленческих ресурсов, соотношения традиционного и модернизационного в их использовании.

В-шестых, это резкая дифференциация населения страны по доходам и имущественным критериям, которая привела к глубоким социальным неравенствам.

В-седьмых, это стихийно сложившаяся в обществе и несвойственная предыдущим этапам развития психология конкуренции, стирающая грани морально-этического в экономической мотивации.

В-восьмых, это утвердившаяся система управления собственностью, не связанная у основной доли работников принципами *совладения*, снимающая, по сути, с работника ответственность за результаты своего труда.

Нетрудно заметить, что одни параметры новой российской реальности носят объективную, другие – субъективную природу, но тем не менее все они обусловлены действием сложившихся объективных условий и факторов. О чем это говорит? А о том, что современное российское общество как новая социальная реальность в сущности является объективированным, т.е. независимым от отдельного человека, следствием субъективной деятельности множества людей. И в основе данной деятельности лежат разнонаправленные (в особенности это было характерно для 90-х гг. – первого десятилетия реформ) интересы и ценностные ориентации, установки и мотивации, явное и скрытое противоборство различных элитных групп и политических организаций. А это, в свою очередь, означает, что новая российская реальность

включает в себя множество не только частных, но и основных элементов как материального, так и нематериального, духовно-психологического характера, которые, входя в противоречия, придают развитию общественных процессов непредсказуемый, стихийный и неуправляемый характер.

На разных уровнях управления подобная закономерность действует неодинаковым образом. А потому следует учитывать еще один контекст «общего и особенного», связанного уже в российских условиях с методологией и практикой научного обеспечения управленческой деятельности на *макро-, мезо- и микроуровнях*.

Безусловно, каждая отрасль социального знания может и должна предлагать свое видение, свои рекомендации, направленные на обеспечение профессиональной, научно осмысленной проработки проектных решений на всех уровнях управления. Но, не принижая возможностей и достоинств каждой из социогуманитарных дисциплин, не могу все же не выделить *социологию* как по природе своей, по своим функциям в современном мире междисциплинарную науку, имеющую особое значение для управления практикой общественного развития, прежде всего на региональном уровне. В своем докладе на IV Всероссийском социологическом конгрессе, проходившем в Москве, в колонном зале Дома союзов, в 2012 г., я попытался эту «особость» изложить через формулирование *восьми аксиом*, которые определяют роль и место социологической науки в системе научного управления обществом, предустанавливая принципы, нормы и механизмы взаимодействия социологии и власти. Повторяться не буду, все опубликовано в материалах конгресса. Остановлюсь в рамках регламента на ряде ключевых аспектов проблемы, которые актуализируются самим течением жизни, контекстом новых реалий.

Прежде всего, выделю возрастание роли и практической значимости функции *социологической экспертизы*. Так, за последние годы все очевиднее заявляет о себе потребность в экспертных социологических заключениях в практике государственного управления и законотворческой работы. Однако для того чтобы такая потребность закрепились в общей культуре управления, социология должна быть не рядом с управленческим процессом, а непосредственно включаться в него, причем еще на ранних стадиях разработки проектов управленческих решений, а не только при оценке социальных последствий уже принятых предписаний и законоустановлений [1, 2].

Что это может означать? По сути дела, это означает необходимость перехода к практике *двойной экспертизы* всех программ и про-

ектов широкого спектра интересов, затрагивающих образ жизни и базовые потребности населения. Речь идет и о технико-экономической, и о социогуманитарной экспертизе.

Понятно, что подобная постановка вопроса затрагивает общий контекст взаимоотношений и культуры взаимодействия социологии и власти. Понятно также, что на процес формирования такой культуры оказывают влияние многие действующие с обеих сторон факторы, в первую очередь профессионализм, доверие, ответственность, нацеленность на результат. При этом важное значение имеет ясное понимание границ возможного в использовании методов социологии для решения практических задач. Нередко от социологов, связанных по сути своей профессии с субъективным миром людей, ожидают то, что они по определению (по объективным основаниям) выявить не могут. Случается, что и сами социологи переоценивают научные возможности своих методов исследования и берутся за решение непосильных для них задач. В результате возникают острые коллизии, которые наносят зримый ущерб авторитету и значимости социологической науки.

Нередко случаются и обратные ситуации, когда реальные и творчески полезные и эффективные ресурсы социологии под надуманными предлогами отвергаются.

За счет чего можно снять разного рода коллизии, возникающие в процессе взаимодействия социологии с властными структурами?

Во-первых, социологическому сообществу и в центре, и в регионах необходимо позаботиться о значительном повышении качества представляемых результатов своих исследовательских разработок, о четком определении их адресности, обосновании научной значимости и практической применимости.

Во-вторых, назрела потребность перехода от эпизодического к регулярному участию работников органов власти и управления в реализации социологических проектов и разработке рекомендаций по их практическому использованию (тем более что среди них растет число имеющих социологическое образование и даже ученые степени). При этом необходимо распределение компетенций между властными и социологическими структурами. Нельзя не учитывать, что никогда политико-управленческие звенья без преломления через свою деятельность не принимали и не будут принимать к использованию даже самые разумные рекомендации социологов. Хотя бы по той простой причине, что политика и наука – две разные по своим функциям сферы человеческой деятельности, в чем-то пересекающиеся, но в целом автономные. Другое дело, социологам надо стремиться к тому, чтобы они бы-

ли постоянно востребованы в «коридоре» политических возможностей, но не для настенных декораций этого коридора, а для укрепления уверенности в правильности движения по нему.

И, *в-третьих*, эффективность взаимодействия социологии и власти в значительной степени зависит от содержания, культуры и языка интерпретации результатов научных исследований. Речь о том, что социологическая наука должна быть не только познающей и понимающей социальные явления и процессы, но и доступно и убедительно объясняющей их сущность. Жанровое разнообразие социологической продукции – не прихоть времени и уж тем более отдельного заказчика – важное условие реального проникновения социологии в жизнь, в практику научного обеспечения управленческих процессов, потому социологам надо уметь продвигать свои результаты и в специализированных научных кругах, и в политических структурах, и в массовых аудиториях.

Здесь уместно подчеркнуть важность развития публичной социологии. За последнее десятилетие на этом поприще сделано многое. И социологическое сообщество все больше утверждает в понимании того, что профессия социолога связана с выполнением не только сугубо научной, но и гражданской функции, с необходимостью вести регулярный диалог с обществом, формировать массовую культуру социологического мышления. Отрадно, что и само общество все в большей степени убеждается в том, что социология – это не столько рейтинги, сколько способ, метод понять, какие «мы», как живем и к чему стремимся. Отсюда и возрастающий интерес к социологической аналитике со стороны массмедиа. И это также (сужу по своему опыту, опыту нашего института) в значительной степени способствует росту востребованности включения социологии в научное обеспечение управления [4, 5].

Тенденции развития постсоветской социологии, которая за короткий срок прошла большую историческую дистанцию, весьма противоречивы. Поэтому однозначности в оценках осуществленного на «социологическом поле» за постсоветский период по определению быть не может. Современная российская социология оказалась перед лицом серьезных вызовов, испытала на себе необходимость решения жестких проблем при отсутствии необходимого в условиях социальных трансформаций научного потенциала и ресурсов их решения. Но объективно это обернулось тем, что при всем противоречивом отношении к социологии и во властно-управленческих структурах, и в естественно-технических областях знания она не только доказала свою значимость, но и стала одной из наиболее востребованных отраслей социально-гуманитарной науки.

Конечно, социологическое знание не претендует на истину в последней инстанции – слишком сложна, противоречива и изменчива сама социальная жизнь, далеко не безупречен социологический инструментарий исследований. Нельзя сбросить со счетов и случающуюся политическую ангажированность некоторых наших коллег. Но в конце концов любые субъективные суждения разбиваются о профессиональный анализ социологических данных. Подлинно научное осмысление результатов социологических исследований, продвижение их в практику управления разрушают социальные мифы и открывают людям глаза на реальное положение дел. Так что по поводу данных социологии дискутировать можно и даже нужно, но игнорировать их нельзя.

Сегодня во многих регионах мира, прежде всего в странах БРИКС, укрепляются тенденции преодоления гегемонии западной социологии и поиска самобытных источников науки об обществе, соответствующих национальной культуре и актуальным запросам конкретного социума. К настоящему времени социология в Китае, Индии, ЮАР, Бразилии, можно сказать, преодолела стадию ученичества у западной социологии, которая продолжалась с конца XIX до начала XXI в. Сегодня национальные социологи активно разрабатывают самобытные методологии и теории социологического исследования, предлагая мировому сообществу весьма оригинальные и необычные научные тренды. Российская социология, во многом утратившая преемственность с дореволюционной социологией и пережившая в 1990-е гг. подражательный этап своего развития, оказалась в качестве «догоняющей». До сих пор она еще не в полной мере отвечает на современные вызовы, предлагая оригинальные концепты. Между тем мировое сообщество, привыкшее к интеллектуальным достижениям России, имевшим место на протяжении последних двух веков, вправе ожидать российских социологических «откровений» [6, 7].

Разумеется, не надо впадать в крайности и воспарять над общемировым пространством социальной мысли. Но не следует забывать и о том, что только на почве *собственной интеллектуальной культуры* можно создать национально-самобытную социологию с ее включением в систему научного управления обществом.

Литература

1. Волков Ю.Г. Социальная диагностика и социологическая экспертиза. М., 2015.
2. Волков Ю.Г. Концептуализация социологического диагноза: теоретическая рефлексия // Гуманитарий Юга России.

References

1. Volkov Yu.G. Sotsial'naiia diagnostika i sotsiologicheskaia ekspertiza. M., 2015.
2. Volkov Yu.G. Kontseptualizatsiia sotsiologicheskogo diagnoza: teoreticheskaia refleksiia // Gumanitarii Iuga Rossii. 2014.

2014. № 4. С. 29–38.

3. *Горшков М. К.* Российское общество как оно есть. М., 2011.

4. *Горшков М.К.* Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3. С. 45–56.

5. *Горшков М.К., Тихонова Н.Е.* Средний класс в современной России // Общество и экономика. 2014. № 6. С. 13–79.

6. Новые идеи в социологии. М., 2013.

7. *Осипов Г.В.* Российская социология в XXI веке. М., 2003.

№ 4. S. 29-38.

3. *Gorshkov M.K.* Rossiiskoe obshchestvo kak ono est'. M., 2011.

4. *Gorshkov M.K.* Ob aksiomaticheskoi traktovke vliianiia neekonomicheskikh faktorov na ekonomicheskii rost // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2014. № 3. S. 45-56.

5. *Gorshkov M.K., Tikhonova N.E.* Srednii klass v sovremennoi Rossii // Obshchestvo i ekonomika. 2014. № 6. S. 13-79.

6. Novye idei v sotsiologii. M., 2013.

7. *Osipov G.V.* Rossiiskaia sotsiologiya v XXI veke. M., 2003.